

Наши разногласия: к юбилею ведущего кантоведа современной России

Конечно, можно было бы сказать, что наши разногласия с Леонардом Александровичем Калининковым состоят в том, что я не верю, что этому энергичному и мудрому человеку уже 80 лет. Однако время неумолимо и 80 — уже факт.

Можно было бы указать как на наши разногласия на защиту докторской диссертации Л. И. Тетюева «Современный проект трансцендентальной философии» в 2002 году, на которой автор этих строк выступил консультантом, а Леонард Александрович — официальным оппонентом. Но остановлюсь на менее значимых и принципиальных разногласиях, касаемых наших оценок неокантианства. Речь идет, прежде всего, о статье Л. А. Калининкова «О необходимости переоценки неокантианства в свете современной интерпретации системы И. Канта»¹. Статья во многом провокационная, с достаточно резкими и однозначными оценками, но в то же время основательная, с серьезной доказательной базой, что дает возможность поспорить с ее автором, и это, собственно, я и намереваюсь сделать.

Итак, если совсем кратко изложить суть идеи Л. А. Калининкова, то она заключается в следующем: неокантианство не является никаким новым кантианством, никаким развитием Канта, а совсем напротив, есть отход, отказ от него, есть неофихтеанство; и если у Фихте уже нет ничего общего с кантианством, то тем более у так называемого, совершенно напрасно называемого, по мысли Калининкова, неокантианства, то есть неофихтеанства, эта пропасть с учением Канта еще более масштабная, она просто фатальна для судеб Марбургской и Баденской философских школ. И главным аргументом, который наш автор разворачивает и обосновывает с разных сторон, становится системный характер критицизма великого кенигсбергского мыслителя; эта система выверена во всех своих основных частях и требует лишь «прорисовки» и детализации. В этом, собственно, и состоит суть кантианства, и никакое неокантианство при таком подходе к учению Канта невозможно в принципе. Здесь следует указать и на то, что подобная точка зрения на неокантианство не является оригинальной, присущей лишь отечественному автору. Можно привести слова известного немецкого историка философии Герберта Шнедельбаха, который заявляет: «Если марбургское неокантианство из того факта, что все, что есть, есть только через мышление, заключает, что тогда, строго говоря, и есть только мышление, то этот "логический идеализм" ближе Фихте, чем Канту»².

Основной причиной, которая обуславливает все резко негативные оценки Калининковым неокантианства, стала, на мой взгляд, та, что он не принимает варианта различения буквы и духа кантовской системы философии, они для него едины и неразделимы: если мы принимаем букву кантовской трансцендентальной философии, то должны и в своих самостоятельных размышлениях всегда этой буквы твердо держаться. Как это сделать реально в практике научного исследования? Ответ, по мнению нашего

¹ Доклад, результатом которого и стала данная статья, вызвал бурную дискуссию на одной из конференций — см.: Белов В. Н. Международная научная конференция «Неокантианство немецкое и русское: от логики познания к "социальной педагогике"» // Кантовский сборник. 2008. № 2 (28). С. 141 — 143.

² Schnädelbach H. Philosophie in Deutschland 1831 — 1933. Frankfurt/M., 1983. S. 242.

отечественного кантоведа, содержится в «принципе осмотрительности», который гласит: «Если кажется тебе, что Кант в чем-то ошибается, ищи сначала ошибку в своем собственном разуме!»³. Великолепно! По моему мнению, такое утверждение было бы более естественным в рамках гегелевской метафизической системы, закрытой, законченной, содержащей все свои идеи и принципы внутри себя. Но никак не в рамках открытой для самостоятельных усилий последователей системы трансцендентального идеализма.

Глава марбургского неокантианства Герман Коген приложил немало усилий как для прояснения понимания буквы и духа кантовской философии, так и для реального воплощения в своей работе этого понимания. Именно не В. Виндельбанд с его знаменитым выражением⁴, которое осталось только красивым словосочетанием, не поясняющим конкретно, что значит каждая из частей данного выражения. Как раз такое пояснение мы находим в работах марбургского неокантианца. Стоит обратить внимание на верное замечание одной из современных исследовательниц неокантианства У. Ренц по поводу этой программы интерпретации Канта со стороны Виндельбанда и ее отличие от подобной у Когена: «Виндельбанд рассматривает Канта не с точки зрения единства его системы, а с точки зрения противоречия, которое якобы присутствует в кантовском мышлении»⁵. Осмысляя в конце своей жизни главные творческие импульсы, лежащие в основе всех усилий и их обуславливающие, Коген замечает: «...в моем стремлении восстановить Канта и освободить его дело ото всех существующих недоразумений объединились и должны были объединиться две точки зрения. Одна была направлена на документальное обоснование основных кантовских понятий, даже приблизительное понимание и знание которых было утеряно. Этот факт был установлен в результате спора, который разразился тогда между великими исследователями Тренделенбургом и Куно Фишером.

Но другой точкой зрения была истинно историческая, определяющая Канту место в ряду мировых философских мыслителей»⁶.

Чрезвычайно примечательны и другие рассуждения Когена, в которых он дает представление о своем отношении как к процессу «понимания», так и к моменту «выхода за пределы» интерпретируемой философской системы: «... понимать, — пишет он в работе «Kants Begründung der Ethik», — значит не судить о подобной проблеме духовной истории и не выявлять неразрешимые противоречия, но в кажущихся противоречиях все же находить руководство, которое не только психологически, но и логически и по существу учреждает связь ... первоначальных основных идей»⁷.

³ Калинин Л. А. О необходимости переоценки неокантианства в свете современной интерпретации системы И. Канта // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М., 2010. С. 61.

⁴ «Понять Канта — значит выйти за его пределы» (Виндельбанд В. Прелюдии : философские статьи и речи / пер. со 2-го нем. изд. М. И. Левиной // Виндельбанд В. Избранное: дух и история. М., 1995. С. 21).

⁵ Ренц У. Карлики на плечах гиганта? Рецепция Канта в неокантианстве // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры. С. 25.

⁶ Коген Г. Теория опыта Канта / пер. с нем. В. Н. Белова. М., 2012. С. 78.

⁷ Cohen H. Kants Begründung der Ethik. 3 Aufl. // Cohen H. Werke. Herausg. H. Holzhey. Hildesheim ; Zürich ; N. Y., 2001. Bd. 2. S. 482.

Обратимся же к более внимательному анализу логики рассуждений и выводам проф. Л. А. Калининкова, которые он из них делает. «Вторая же причина (после восприятия кантовской философии как системы, содержащей внутренние противоречия. — В. Б.), — отмечает он, — граничившая с предрассудком уверенность, что *правильная*, единственно верная система философии может быть только *монистической системой*, что, конечно же, сопряжено с монотеизмом как базисом всей христианской культуры. В свете такой исходной установки кантианство изначально нуждается в исправлении под догматизм»⁸. Опять же достаточно спорное утверждение, во всяком случае, в отношении Когена. Известно его стремление более выверенно и непротиворечиво соотнести в системе критицизма логику и этику, но он был последовательным противником как редукции этики к логике по образцу Гегеля, так и, наоборот, примат практического разума трактовать расширительно, как это сделали Фихте и баденские неокантианцы. Так, отвечая на обвинения В. Виндельбанда в свой адрес в «натурализации этики»⁹, Г. Коген настаивает на необходимости учета кантовского различения бытия как объекта логики и должествования как содержания этики. Следовательно, этика никоим образом не может быть натурализована. «В различении обоих видов реальности, видов познавательной значимости, — заключает немецкий философ, — состоит теоретическая пронизательность критического идеализма, в сопоставлении обоих видов — этическая сила и величие кантовской системы»¹⁰.

Если и заявлять о монистичности философской системы Когена, то сразу следует предложить и ряд необходимых пояснений и уточнений: не монизм, но систематическое единство, не единство философской системы, но систематическое единство культуры. Монизма как такового не обнаруживается внутри когеновской системы, не представляется она монистическим философским монолитом и по отношению к другим вариантам трансцендентальной философии. Особенно характерен здесь спор об иудаизме Когена и его месте в системе когеновской философии¹¹.

Еще одно утверждение проф. Калининкова также вызывает недоумение. Он заявляет: «Философия Канта сохраняет всю свою значимость в XXI веке, тогда как неокантианство вызывает в настоящее время, по-видимому, лишь историко-культурный интерес. Конечно, и это немало. К тому же непреходящее значение получили многие детально разработанные неокантианцами аспекты гносеологии и аксиологии»¹². Мало того, что совре-

⁸ Калининков Л. А. О необходимости переоценки неокантианства в свете современной интерпретации системы И. Канта // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры. С. 58.

⁹ Натопр П. Кант и Марбургская школа // Натопр П. Избранные работы. М., 2006. С. 140.

¹⁰ Cohen H. Kants Begründung der Ethik. 3 Aufl. S. 299.

¹¹ За более подробной аргументацией по обозначенным темам не-монизма когеновской системы философии отсылаю к опубликованным уже работам: Белов В. Н. Этика в системе философского критицизма Германа Когена // Этическая мысль. Вып. 14. С. 174–200; Его же. Является ли Герман Коген неокантианцем? // Кантовский сборник. 2015 №3. С. 38–46.

¹² Калининков Л. А. О необходимости переоценки неокантианства в свете современной интерпретации системы И. Канта // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры. С. 58.

менная философия культуры немислима без методологических открытий немецкого неокантианства, о чем свидетельствуют многочисленные публикации как в России, так и за границей, активно обсуждается тема истоков философии диалога в когеновской философии религии. К этой дискуссии, отстаивая позицию непосредственной связи философии религии марбургца и современной философии диалога, присоединились и некоторые отечественные исследователи, в частности З. Сокулер¹³ и И. Дворкин¹⁴.

Следующее спорное заявление проф. Калининкова требует прояснения: «Сами неокантианцы особенно охотно сопоставляют свою позицию не с Фихте (возможно, охлаждающим душем служит здесь именно наличие заявления Канта), а с Гегелем, но подчеркивают в качестве недостатка его системы тягу к достижимости абсолюта, к неустранимому догматизму; самим же им кажется, что догматизма удалось избежать»¹⁵. О том, что это не так, по крайней мере в отношении Когена, я уже писал. Но хотел бы еще раз, ссылаясь на мнение русских учеников и последователей марбургского мэтра, подчеркнуть истинные устремления основателя марбургской школы: философская система Когена пыгается — с разной степенью успеха — реализовать искомый синтез философских систем Канта и Гегеля. Именно синтез, а не эклектику или редукцию, что под силу только самостоятельной философской программе. С. Рубинштейн замечает по этому поводу: «Можно было ожидать, что эта мысль, которая провозглашена порождающей основой бытия, которая сама порождает всё его содержание, что она окажется самопорождающейся и самоконструирующейся, то есть конструирующейся из самой себя, из абстрактной сущности понятия, строящей все содержание мысли. Словом, можно было ожидать построения конструкций Гегеля, в логике которого все содержание бытия строится в диалектическом саморазвитии понятия. Этот мотив, бесспорно, имеется и у Когена, но в него, по логике Когена, влетает другая. Если бросить хотя бы беглый взгляд на то, как фактически строится его логика, то станет очевидным, что в ней снова вступает в свои права трансцендентальный метод Канта в той форме, которую ему придал Коген в своих работах о Канте»¹⁶.

Для другого русского последователя Г. Когена — Б. Яковенко — развитие философской мысли в целом носит прогрессивный поступательный характер. Главными пунктами на этом пути самоопределения философии, приобретения ею осознания своей самостоятельности и самодостаточности является трансцендентализм Канта и Гегеля. Причем если, как замечает русский неокантианец, «Кант указал философии предмет», то «Гегель уточнил его указанием границ и смысла философского метода»¹⁷. Поэтому основную заслугу Когена Яковенко видит в том, что тот «воссоединил в се-

¹³ См.: Сокулер З. А. Герман Коген и философия диалога. М., 2008.

¹⁴ См.: Дворкин И. Философия диалога в поисках пути // Философские диалоги'2013. Вып. 7. Киев, 2013. С. 112–171.

¹⁵ Калининков Л. А. О необходимости переоценки неокантианства в свете современной интерпретации системы И. Канта // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры. С. 60.

¹⁶ Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник 92. М., 1994. С. 10–11.

¹⁷ Яковенко Б. О теоретической философии Германа Когена // Логос. 1910. Кн. 1. С. 201.

бе оба эти деяния и выдвинул их не только как основы нынешней философии, но и как основы философии вообще»¹⁸. Таким образом, Яковенко полагает, что Коген — как лучший восприимчивый традиции трансцендентализма, то есть истинной философии, — смог проникнуть в глубины систем своих великих предшественников, овладеть преимуществами и философии Канта, и философии Гегеля; при этом, исправляя Канта посредством Гегеля, а последнего, соответственно, посредством первого, добиться их непротиворечивого и искомого синтеза.

Поэтому и приведенные аргументы проф. Л. А. Калининкова следует рассматривать не с точки зрения соответствия или несоответствия предложенных Когеном решений проблем, связанных с взаимодействием теоретического и практического разума и с построением выверенной в своих составляющих частях, стройной и строгой системы, кантовским интенциям по данным проблемам, но с точки зрения его собственной, завершенной в основных аспектах системы философии. Что не отменяет, безусловно, и необходимость сравнения с кантовской системой, но не в качестве ее обновителя или даже популяризатора, а как самостоятельного игрока на поле философской традиции трансцендентальной философии. С такой оценкой своей позиции, на мой взгляд, согласился бы и сам Коген. О чем может свидетельствовать одна интересная мысль, высказанная им в «Предисловии к первому изданию» второй его фундаментальной работы — «Kants Begründung der Ethik» (1877) — в отношении систематической философии: систематическая философия ассоциируется у него с самостоятельным философским творчеством. Углубление в критический идеализм на основе систематики не может, по убеждению немецкого философа, быть филологической работой, это всегда только философская работа. И уточняет: работа методическая. Идеалом такой системы, базирующейся на методической работе, является наука, поэтому философия, повторяет Коген фундаментальное положение своего подхода, которое он начал доказывать в «Теории опыта Канта», может быть философией только в качестве науки¹⁹.

Таким образом, с оценкой проф. Л. А. Калининкова неокантианства как неофихтеанства следует соглашаться лишь наполовину, то есть отнести к неофихтеанству философскую позицию Баденской школы неокантианства. Что же касается Марбургской школы, и особенно его основного представителя Германа Когена, то такая однозначная оценка представляется слишком схематичной и поверхностной.

Не соглашусь и с мнением отечественного кантоведа относительно того, что неокантианство испортило и ухудшило настоящее понимание кантовской системы философии. Я полагаю необходимым и продуктивным как для исследования Канта, так и для постоянной актуализации его учения существование и кантианства, и неокантианства, взаимоотношения которых не ослабляют, а усиливают кантовскую философскую позицию.

В заключение хотелось бы подчеркнуть еще один момент в профессиональной характеристике нашего юбиляра: при всей строгости и последовательности в выдерживании и отстаивании своей позиции Л. А. Калининков всегда очень внимательно относится к противоположному мнению и всегда

¹⁸ Яковенко Б. Указ. соч. С. 201 — 202.

¹⁹ См.: Cohen H. Kants Begründung der Ethik. S. V — VI.

готов к открытой и честной полемике. Свидетельством может служить тот факт, что при всей критичности в отношении неокантианства именно он — как главный редактор журнала «Кантовский сборник» — стал инициатором появления в нем рубрики «Неокантианство».

*В. Н. Белов,
д-р филос. наук, проф.,
Сочинский институт (филиал) РУДН*

Проводник в «звездно-моральный» мир

Сегодня, в дни юбилея Л. А. Калининкова, нам, белорусам, трудно соперничать с его коллегами из Балтийского федерального университета им. И. Канта в деле перечисления заслуг этого замечательного ученого и человека. Хотя и мы прекрасно знаем о том, сколько за свои 50 лет работы в Калининграде сделал он для творческого развития, интерпретации и популяризации кантовских идей. Знаем мы и о том, какова его роль в создании и сегодняшнем успешном развитии такого уникального издания, как Кантовский сборник; сколько усилий он приложил не только в профессионально-академической деятельности, но и в деле распространения идей немецкого мыслителя через периодическую печать, телевидение, лекции для населения. Как, глубоко владея основополагающими принципами столь сложного учения, он умеет популярно изложить и заинтересовать идеями И. Канта совсем юных — школьников. Кстати говоря, знаем мы и о том, что многие из них только благодаря Леонарду Александровичу пришли в свое время на философское отделение университета и стали первоклассными специалистами в области кантоведения — теперь уже полноправной отрасли историко-философских исследований, бурно развивающейся по всему миру, в том числе и благодаря усилиям профессора Калининкова.

Нам, философам из соседнего государства — Беларуси, остается только присоединиться к поздравлениям своих коллег-россиян, а также поделиться своими впечатлениями от знакомства как с самим президентом Российского кантовского общества, так и с его работами и выступлениями.

Мы впервые приехали в Калининград для участия в широко известных теперь и в нашей стране Кантовских чтениях только в 2004 году. С тех пор и я, и мои ученики — О. Познякова, А. Дудчик, А. Бархатков — теперь уже не просто аспиранты, а кандидаты философских наук, доценты, стараемся не пропустить ни одного мероприятия, посвященного философии И. Канта или знаковым фигурам — землякам великого философа, творчество которых немислимо вне идей их знаменитого соотечественника. Каждый раз, когда мы посещаем город на Преголе, наши души и сердца наполняются какими-то особыми живительными флюидами, а по возвращении домой к своим студентам и коллегам хочется говорить и писать об этом замечательном мыслителе и человеке, передавая «схваченное» здесь, у вас, молодым, побуждая их мыслить, жить и поступать по Канту.

Одним из тех, кого по праву можно назвать проводником в мир кантовских идей, стал профессор Л. А. Калининков. После того как я впервые услышала его речь в день рождения великого кёнигсбержца, для меня стало